

И.П. ОСАДЧИЙ

МЫ РОДОМ ИЗ СССР

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Иван Осадчий

**Мы родом из СССР. Книга
2. В радостях и тревогах...**

«ИТРК»

2012

Осадчий И. П.

Мы родом из СССР. Книга 2. В радостях и тревогах... /
И. П. Осадчий — «ИТРК», 2012

Автор книги – известный ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РСФСР, советник юстиции 1-го класса. Комсомолец с 1943 года. Коммунист с 1947 года. Солдат последнего военного призыва. Многие годы отдал работе в комсомоле на Украине и Дону, в Приморье и на Кубани; во время военной службы в Советской Армии. Впоследствии – редактор городской газеты, секретарь горкома КПСС. Почти четверть века на преподавательской работе в Кубанском Государственном Университете: доцентом, профессором, заведующим кафедрой. На протяжении четырех десятилетий входил в состав правления Краснодарской краевой организации Общества «Знание», возглавлял научно-методический совет по общественно-политической тематике, вел активную лекционную пропаганду.

© Осадчий И. П., 2012

© ИТРК, 2012

Содержание

Мы родом из СССР	6
Книга вторая. В радостях и тревогах	6
Об авторе	6
Отзвуки первой книги	7
Часть первая	29
Глава первая. Разноцветное восемнадцатилетие (1964–1982 гг.)	29
Конец ознакомительного фрагмента.	45

И. П. Осадчий
Мы родом из СССР
(Воспоминания и размышления)

Книга издается в редакции автора и за его средства

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Мы родом из СССР

*Есть только две формы жизни: горение и гниение.
Мужественные и щедрые избирают первую; трусливые и жадные
– вторую...*
А. М. Горький

Книга вторая. В радостях и тревогах

Об авторе

Автор книги – известный ученый, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РСФСР, советник юстиции 1-го класса. Комсомолец с 1943 года. Коммунист с 1947 года.

Солдат последнего военного призыва. Многие годы отдал работе в комсомоле на Украине и Дону, в Приморье и на Кубани; во время военной службы в Советской Армии. Впоследствии – редактор городской газеты, секретарь горкома КПСС. Почти четверть века на преподавательской работе в Кубанском Государственном Университете: доцентом, профессором, заведующим кафедрой. На протяжении четырех десятилетий входил в состав правления Краснодарской краевой организации Общества «Знание», возглавлял научно-методический совет по общественно-политической тематике, вел активную лекционную пропаганду.

В качестве представителя Краснодарской краевой организации КПСС был избран в состав Подготовительного Комитета по созыву и проведению Российской партийной конференции и Учредительного Съезда Компартии РСФСР. Беспощадно разоблачал ренегат-предательскую политику Горбачева. Выступал с содокладом на Учредительном Съезде КП РСФСР. Руководил работой Подготовительного Комитета по проведению 2-го этапа Учредительного Съезда КП РСФСР, на котором был избран членом ЦК КП РСФСР. Работал в качестве консультанта и заместителя руководителя Центра научного анализа и политического прогнозирования при Секретариате ЦК КП РСФСР. После прекращения деятельности КПСС и КП РСФСР был инициатором создания и бессменным руководителем Общественного Объединения «В защиту прав коммунистов». Являлся координатором работы по подготовке к процессу в Конституционном Суде по делу о конституционности указов Президента РФ о приостановлении и прекращении деятельности КПСС и КП РСФСР. Выступал на процессе в качестве эксперта коммунистической стороны.

Возглавлял экспертно-консультативный Совет при фракции «Коммунисты России» Съезда народных депутатов РСФСР.

Входил в состав оргкомитета по подготовке и проведению II-го (восстановительного) Съезда Компартии Российской Федерации. Руководил программной комиссией Съезда. Неоднократно избирался членом ЦК КПРФ.

Один из инициаторов создания Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» (РУСО) и её руководитель в 1994–2005 гг.; одновременно являлся редактором газеты РУСО «Буревестник» и книг, издаваемых учеными РУСО в эти годы.

В настоящее время – Почетный Председатель РУСО.

Отзвуки первой книги

Первая книга трилогии «Мы родом из СССР» – «Время нашей молодости» вышла в свет в середине 2011 года. Невероятно трудной оказалась её дорога к читателям. Хотя я и решил сделать весь ее тираж подарочным, это не снизило напряжение с доставкой книги тем, кому она адресована. Виной тому неслыханно высокие (буквально баснословные) почтовые цены на отправку бандеролей. Они в два раза выше стоимости самой книги со всеми расходами на её подготовку к печати и на издание. Ничего не поделаешь – такова нынешняя жизнь в «ново-русской» России.

Титанический труд по транспортировке и рассылке книги почтовыми бандеролями добровольно взвалила на себя моя главная помощница в работе над трилогией и рукописями других книг, готовящихся к изданию, Алла Алексеевна Дымова.

Первые сорок книг были отосланы ею по главным адресам: в Музеи Николая Островского в Сочи и в Москве; в военно-исторический музей Зои Космодемьянской – в Петрищево; в музей-квартиру «Легендарной дочери легендарной страны» Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко, а также ее дочери и сыну – в Полоцк; моей сестре – Марии Павловне Кравченко-Осадчей в Туапсе; в Барвенково – главе районной государственной администрации Ивану Петровичу Бовдуй, заведующим отделами образования и культуры районной государственной администрации – Наталье Александровне Коптевой и Юрию Васильевичу Трояну, директору краеведческого музея Юрию Ивановичу Митину; в Минск – Президенту Республики Беларусь Александру Григорьевичу Лукашенко и моему двоюродному брату – дипломату в отставке Валентину Николаевичу Фисенко, в ряд библиотек тех мест, где прошло время моей молодости.

Я бесконечно благодарен Алле Алексеевне за её бескорыстную, безупречную, неоценимую помощь.

Хочу выразить особую признательность издательству ИТРК: главному редактору Александру Ивановичу Титову и ответственному за выпуск книги М. В. Насонову. Они оперативно доставили значительную часть тиража в ЦК КПРФ; на Пленуме ЦК книга была вручена членам и кандидатам в члены ЦК, членам Центральной ревизионной комиссии КПРФ; затем – организациям российского комсомола и региональным отделениям Общероссийской Общественной Организации «Российские ученые социалистической ориентации» – РУСО.

По моей просьбе издательство передало триста экземпляров книги в библиотеки Российской Федерации.

Хочу выразить персональную благодарность также тем, кто доставил большую часть тиража в места назначения, получившие «прописку» в моей книге, где пролегли мои жизненные пути-дороги. И в первую очередь, Владимиру Витальевичу Гришукову – первому секретарю Приморского крайкома КПРФ. Он доставил их в самый далекий, но очень близкий моему сердцу край моей комсомольской юности.

Двести книг в Краснодар и пятьдесят – в Туапсе отвез Саша Кравченко, внук моей сестры. Там они были вручены персональным адресатам, а также переданы в библиотеки и школы города и района, коммунистическим организациям и моим старым друзьям-товарищам.

В Краснодаре я передал свои полномочия сыну Николаю Ивановичу Осадчему – первому секретарю крайкома КПРФ. Он распорядился книгами надлежащим образом.

Сложнее всего оказалась дорога книги в Барвенково – в мой родной городок. Теперь это «заграница» (больно до слёз). И этим всё сказано.

Но и эту проблему удалось решить. Сердечно благодарен Юрию Васильевичу Трояну. Он «уполномочил» свою близкую родственницу Елену Анатольевну доставить книгу в Барвен-

ково. Я вышел на связь с ней. Елена Анатольевна сразу же высказала свою готовность помочь. И слово свое сдержала...

Я весьма благодарен читателям, которые, прочитав книгу, откликнулись на неё, высказали свои оценки, и сразу решил отреагировать на них.

Первое слово о книге

Его сказали 2 августа 2011 года «Видновские вести» – газета Ленинского района Московской области. Я признателен автору и редакции. Вот буквальный текст опубликованного отзыва:

«О времени и о себе рассказывает в новой книге наш земляк

На днях открыла для себя писателя Сидни Шелдона, взяв его автобиографическую книгу „Обратная сторона успеха“ в Видновском филиале № 12 межпоселенческой библиотеки. Кажется, ничто не способно отвлечь от столь захватывающей вещи. Но тут подвернулась автобиографическая книга нашего земляка Ивана Осадчего „Мы родом из СССР“, которая заставила не только отложиться в сторону бестселлер, но даже на пару ночей превратиться из „жаворонка“ в „сову“...

Оба автора – и Шелдон, и Осадчий – начинают повествования с 30-х годов прошлого столетия – о нелегких временах и для Америки, и для СССР. „Более тринадцати миллионов людей потеряли работу и находились на грани отчаяния, – пишет Сидни Шелдон. – По стране бродили миллионы бездомных, двести тысяч из них составляли дети. Бывшие миллионеры кончали жизнь самоубийством, а руководящие работники и администраторы продавали яблоки на улицах. К 1930 году депрессия продолжала усиливаться, вытесняя из страны всякое подобие экономики. Очереди за хлебом росли, безработица принимала вид пандемии“.

В это время в Советском Союзе тоже переживали не лучшие времена. Но книга Ивана Осадчего пронизана светом и оптимизмом: „Уже в первые годы первой пятилетки была полностью ликвидирована безработица. Во всей своей последующей истории советское общество не только не знало безработицы, но и испытывало дефицит рабочих рук. Фантастический взлет советской державы уже за годы двух первых пятилеток вывел её по общему объёму производства на первое место в Европе и на второе место в мире“.

Самое первое предложение из книги Сидни Шелдона звучит так: „В семнадцать лет я служил рассыльным в аптеке-закусочной „Афремоу“ и считал, что мне крупно повезло, поскольку там можно было без особых хлопот стащить таблетки снотворного в достаточном количестве, чтобы покончить с собой“. (Предпринятой юношей попытке неожиданно помешал отец). Сидни страстно хотел поступить в колледж, но денег на учебу не было. И надежды на свет в конце тоннеля беспросветной жизни – тоже.

А что же наш земляк, Иван Павлович Осадчий? „В дореволюционной самодержавной России 4/5 населения было неграмотным, – говорит он в авторском предисловии. – В среднем на образование жителя страны тратилось сорок копеек в год. В Советском Союзе уже в первое сталинское пятилетие была ликвидирована неграмотность и введено всеобщее обязательное семилетнее образование. Впоследствии советская страна перешла к осуществлению всеобщего обязательного среднего образования“.

Факты – упрямая вещь. Парочку их все же хочется привести из книги Ивана Осадчего: „В Советском Союзе были гарантированные права каждого гражданина на труд, отдых, бесплатное образование на всех уровнях и бесплатное медицинское обслуживание. На протяжении фактически всей советской истории в СССР была самая низкая плата в мире за жильё и жилищно-коммунальные услуги“.

Но неправ будет тот читатель, который подумает, что книга „Мы родом из СССР“ – сплошь „о политике“. Как уже было сказано, она автобиографическая. Иван Осадчий пишет о времени и о себе, друзьях и коллегах, своих „университетах“ и интересных людях, с которыми свела судьба. Легкая ирония письма нередко вызывает добрую улыбку, а откровенность и честность повествования – уважение к автору, сопереживание.

Данная книга – первая ласточка из задуманной Иваном Павловичем Осадчим автобиографической трилогии „Мы родом из СССР“. Книгу он подарил Историко-культурному центру и межпоселенческой библиотеке, где её можно взять почитать. И хотя на её обложке и не написано броскими красными буквами „The International Bestseller“, книга читается легко и интересно.

Олеся Барвинская»

Не заставили себя ждать и другие отклики.

С особым волнением, как всегда, я ждал весточку из Сочинского музея Николая Островского. Для меня, чья жизнь прошла с именем и образом любимого, мужественного Писателя и Человека, его бессмертной книги «Как закалялась сталь», всего его творчества, идейного и нравственного облика, отклик из дома-музея в Сочи чрезвычайно важен.

К моей огромной радости, первый отклик на книгу пришёл именно из Сочинского музея Николая Островского.

В письме и.о. директора музея О. И. Матвиенко есть строки: «Сердечно благодарим за присланную книгу. **Вот из таких воспоминаний и создаётся портрет эпохи.**»

Меня радует это письмо тем, что оно написано так, как пишут самые родные люди своему близкому человеку:

«У нас в музее по-прежнему принимает посетителей мемориальный дом писателя Николая Алексеевича Островского. Ведём лекционную работу в школах, санаториях, летних лагерях.

Экспозиция „Сочи Литературный“ во время капитального ремонта была демонтирована и пока не воссоздана. Поэтому экспозиционные залы литературной части музея занимают временные выставки. Это работы сочинских художников, выставки пуховых платков из Оренбурга, изделий из янтаря Балтики, этнографический комплекс интерьеров и мероприятий „Загадочная Индия“.

В преддверии будущей Олимпиады-2014 агентство РИА-Новости организовало в нашем музее фотовыставку „Спорт. Мужество. Преодоление“ – о спортсменах-паралимпийцах.

В ближайшем будущем планируем много разных выставок. В текущем году это показ коллекций из собственных фондов музея.

Желаем Вам, Иван Павлович, творческих и жизненных успехов, хорошего здоровья»..

Сердечно благодарен и признателен за это письмо и.о. директору музея О. И. Матвиенко и руководителю мемориального сектора музея Т. С. Александровой. Всегда, всей душой с вами, понимаю, переживаю и разделяю все ваши радости, заботы и тревоги.

К сюжету «Легендарная дочь легендарной страны»

После ряда неудачных попыток найти сведения о Зинаиде Михайловне Тусноловой-Марченко я написал письмо в Полоцкий горисполком. Ответ прислал заместитель председателя горисполкома Н. С. Ильющёнок. Он сообщил, что в Полоцке имеются национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник и музей-квартира Героя Советского Союза Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко, прислал их адреса и посоветовал обратиться к ним по волнующим меня вопросам.

Я воспользовался этим советом и вскоре получил материалы о последнем периоде жизни Зинаиды Михайловны, её семье, об увековечении её памяти. Их прислала научный сотрудник музея-квартиры Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко Галина Александровна Жерносок:

«Боевые заслуги Зинаиды Михайловны удостоены не только Золотой Звезды Героя Советского Союза и ордена Ленина, но также орденов Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны, медали „За отвагу“.

Последние годы Зинаида Михайловна тяжело болела. Умерла 20 мая 1980 года. Её именем названы улицы и школы в Москве, Сочи, Полоцке, Бельцах, школьные пионерские дружины. Зинаида Михайловна является почетным гражданином городов Полоцка, Ленинск-Кузнецка, Старого Оскола.

Её подвиг достойно отражен в экспозиции Сочинского музея Николая Островского, в музее „Мужества и отваги“ города Кокчетав. Подвиг героини обстоятельно освещен в Красной книге „Герои Советского Союза“, в многочисленных публикациях, в различных журналах и газетах.

В 2004 году редакция ОРТ „Центральное телевидение“ сняла документальный фильм „Любовь и война“, посвященный Зинаиде Михайловне и её мужу Иосифу Марченко. Он пережил её почти на восемь лет. Умер 18 марта 1988 года.

За год до смерти он открыл „Музей-квартиру Героя Советского Союза Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко“.

Их сын Володя Марченко живет и работает в Новополоцке. Дочь Нина Марченко – в Полоцке. У Владимира – дочь Юлия, у Нины два сына – Тимофей и Александр...

И еще один весьма значимый факт. В 1988 году Витебский облисполком учредил специальную премию имени Тусноловой-Марченко „За высокий нравственный пример в воспитании детей и укреплении семьи“. За минувшие два десятилетия её получили более двухсот семей...»

Добрая слава и память о легендарной героине Зинаиде Михайловне Тусноловой-Марченко бессмертны...

К главе «Барвенково – моя колыбель»

Нетрудно понять, с каким волнением я ждал письмо из Барвенково – моего родного города на Левобережной Украине.

Первым отозвался глава Барвенковской районной государственной администрации Иван Петрович Бовдуй:

«Глубокоуважаемый Иван Павлович!

Мы очень признательны Вам за Ваше письмо, книгу и теплые слова в адрес Вашей малой родины.

Отвечаем Вам по существу заданных вопросов. Разумеется, с тех пор, как Вы покинули Барвенково, многое изменилось не только в нашем городе, но, как Вы знаете, и в стране.

Неполной средней школы № 2, в которой Вы учились, сейчас нет. Однако, старинное здание по улице Мичурина сохранилось и в нем сейчас функционирует школьный учебно-производственный комбинат (сокращенно УПК), в котором учащиеся общеобразовательных школ овладевают первичными навыками некоторых рабочих профессий. Здание это было построено еще в начале прошлого века как земская школа, в Великую Отечественную войну там находился госпиталь, после войны до закрытия размещалась школа.

Средняя школа № 1, в которой Вы учились в 1943–1944 году в 8 и 9 классах, находилась в трех приспособленных зданиях. Все эти здания (два из них постройки начала XX века и одно –

1952 года) находятся в центре города. В двух первых сейчас размещается краеведческий музей, в третьем – центральная районная библиотека. Еще через некоторое время школа № 1 заняла часть старинного двухэтажного здания, в котором сейчас размещается городской совет и некоторые службы государственной администрации.

Поскольку уже очень скоро названные выше помещения перестали отвечать нормам нагрузок, в 1981 году в северной части города было построено большое двухэтажное здание средней школы № 1, сейчас – это Барвенковская гимназия № 1.

Из учреждений образования и культуры в городе на сегодняшний день помимо гимназии функционируют еще три средних общеобразовательных школы; профессиональный аграрный лицей, три библиотеки (районная, городская, детская), краеведческий музей, районный Дом культуры и некоторые другие...

...Если Вы ходите узнать что-либо еще из истории города Вашей юности Барвенково, то можете связаться с Барвенковским краеведческим музеем...

...Будем всегда рады видеть Вас в нашем городе.

С наилучшими пожеланиями, с уважением

Глава Барвенковской районной государственной администрации

И. П. Бовдуй»

Созвонившись, по совету главы Барвенковской районной государственной администрации Ивана Петровича Бовдуй, с директором Барвенковского краеведческого музея Юрием Ивановичем Митиным, я попросил его прислать короткую историческую справку о городе моего детства и ранней юности. И вот этот весьма желанный документ у меня в руках.

Во время нашего телефонного разговора Юрий Иванович тактично спросил: можно ли прислать справку на украинском языке, не забыл ли я его?

Я ответил: «Хорошо помню мудрые слова нашего украинского кобзаря Тараса Григорьевича Шевченко: „Чужому научайтсь, а свого нэ чурайтсь“.

Этот совет великого поэта мне в 1945 году напомнил один инженер-путеец, работавший в 5-й Кедайнской дистанции пути и строительства Литовской железной дороги, украинец по национальности, который к тому времени уже жил в Литве четыре десятилетия.

Всегда помнил наш разговор с ним в победном 1945-м. И старался, насколько возможно, сохранить знание родного украинского языка. Потому сказал Юрию Ивановичу: „Конечно, присылайте мне справку на украинской мови“; мне даже будет приятно воскресить те слова, которые я позабыл. Вообще-то, читаю и понимаю украинский язык „без проблем“, но в разговоре перехожу на смесь украинского и русского, на простонародный язык, на котором общалось и в довоенные годы, и после большинство жителей Барвенково, особенно на нашей Западне, включая и моих родителей, соседей, сверстников. Этот простонародный язык сродни и тому наречию, на котором в обиходе общаются на Кубани казаки и иногородние по происхождению. Ведь корни у жителей Левобережной Украины, у барвенковчан, в частности, и у кубанцев – одни. В массе своей у них общая „альма-матер“ – Запорожская Сечь»...

В Барвенково я родился и прожил семнадцать лет. До начала Великой Отечественной – неполных четырнадцать, дальше – три года и три месяца в войну (1941–1944). В семнадцать лет, уходя в Советскую армию, расстался с родным городом. И вот уже шестьдесят восемь лет (!) обитаю на территории России, исключая 10-месячное пребывание в Литве...

Думаю, что пояснение к месту. Должен, однако, заметить, что как в Барвенково далеко не все знают чистый украинский язык, говорят на местном, всем понятном диалекте («балакають»), – так и по всей России, от Владивостока до Ленинграда, я тоже почти не встречал людей, говорящих литературным русским языком. Люди свободно разговаривают на общедоступном языке, в котором большинство слов «интернационального» происхождения понятны всем...

Очень рад и тому, что Юрий Иванович точно уловил суть моей просьбы: прислал короткую историческую справку и характеристику сегодняшнего социально-экономического положения Барвенково. Я бесконечно благодарен ему за ответы на интересовавшие меня вопросы.

За четырнадцать лет довоенной жизни и учебы в семилетней школе я не смог узнать даже происхождение названия города. Больше склонялся к тому, что это название произошло от цветка «барвинок», хотя допускал и другое объяснение: город мог получить свое название по имени его основателя – запорожского казака. Я знаю множество таких примеров, когда населенные пункты названы по имени их основателей...

Ну, а теперь письмо из Барвенково в моем вольном переводе с украинского на русский:

«Барвенково расположено в долине реки Сухой Торец, в 180 километрах южнее Харькова. Площадь – 19 квадратных километров, население (по состоянию на 2001 год) – 12 998 человек. Это составляет 87,3 % от численности населения 1989 года. За двенадцать лет население сократилось почти на тринадцать процентов. Это существенное сокращение.

Чем объяснить? Суверенизацией республик и распадом СССР? Сокращением естественного прироста (смертность превышает рождаемость)? Или миграцией?

...Барвенково основано в 1651 году выходцами из Правобережной Украины, которые, спасаясь от репрессий польской шляхты после поражения войск Богдана Хмельницкого под Берестечком, переселились сюда во главе с легендарным казаком **Иваном Барвинком** на берега реки Сухой Торец, неподалеку от соляных промыслов Тора.

(От автора книги: случайное, но какое приятное совпадение. Ничего не зная об Иване Барвинке – основателе города Барвенково, я множество раз подписывал свои публикации в периодической печати псевдонимом – Иван Барвенко).

Первое название поселения – Барвинкова Стинка – произведено от фамилии вожака переселенцев. Другое слово в названии объясняется тем, что поселение находилось на высоком северном берегу реки, на так называемой Чумацкой горе, которая подмывалась её течением.

В 1653 году в Барвинковой Стинке была сооружена, и начала богослужение церковь. С этого времени поселение ведет свою официальную историю.

Барвинкова Стинка была населена беспокойными, непокорными жителями, которые принимали участие во всех национальных и социальных движениях российской империи, за что она много раз ликвидировалась в ходе царских карательных операций. Так было в 1668, 1709, 1775 годах. С 1709 по 1734 поселения не существовало. Оно восстановлено в 1734 году после постройки „Украинской Линии“ с согласия императрицы Анны, разрешившей запорожцам вернуться в места своего прежнего проживания.

С 1775 года Барвинкова Стинка входила в состав Азовской губернии; с 1802 года – в Екатеринославскую (ныне Днепропетровская область); с 1835 года находилась в составе Харьковской губернии.

В 1861 году Барвенково стало волостным центром Изюмского уезда Харьковской губернии. В 1869 году через слободу Барвенково прошла Курско-Харьковско-Азовская железная дорога, которая дала толчок быстрому развитию сельского хозяйства, промышленности, торговли в округе. Было построено несколько ветряных мельниц. В 1909 году их насчитывалось девять. В 1910 году был построен завод сельскохозяйственных машин. В советское время он назывался „Красный луч“.

С 1923 года село Барвенково – районный центр Изюмского округа. В 1938 году Барвенково получило статус города районного подчинения.

В годы Великой Отечественной войны Барвенково было ареной кровавых битв. На протяжении 1941-43 годов оно трижды захватывалось фашистскими оккупантами и трижды освобождалось советскими войсками.

В боях за город погибло около восьми тысяч советских воинов, а в целом за Барвенковский район – около 14 тысяч бойцов и командиров Красной Армии. В годы Великой Отечественной войны погибло почти 5 тысяч жителей района.

Двум барвенковчанам О. Бессонову и Г. Денисенко присвоено звание Героя Советского Союза.

В составе Барвенковского района 12 сельских советов, объединяющих 59 населенных пунктов.

Барвенковский район граничит с Александровским и Славянским районами Донецкой области; с Близнецовским, Лозовским, Изюмским и Балаклеевским районами Харьковской области.

В городе, помимо образовательных и культурно-просветительных учреждений, о которых мне написал глава районной государственной администрации Иван Петрович Бовдуй, имеются еще Дом школьника, музыкально-художественная школа, Дом культуры, детская юношеская спортивная школа, стадион, четыре детских сада.

На центральной площади города установлен памятник основателю города Ивану Барвинку, а на Чумацкой горе – мемориал Славы.

В городе сохранились памятники архитектуры: церковь Успения Пресвятой Божией Матери, построенная в 1884 году в честь освобождения Болгарии от турецкого ига. Это знак благодарности болгарского народа за активную помощь, которую ему оказывали барвенковчане в борьбе за его освобождение. В центре города – двухэтажное здание, построенное писателем Г. Данилевским под аптеку в XIX веке. Под охраной государства также здание бывшего коммерческого училища, построенное в 1910 году».

...Я весьма благодарен главе Барвенковской районной государственной администрации Ивану Петровичу Бовдуй и директору музея Юрию Ивановичу Митину за внимание ко мне и моей книге, за добрые слова и особенно за сведения об истории и нынешнем облике моего родного города. Очень хочется хотя бы день, хотя бы час побыть в Барвенково и увидеть всё своими глазами...

Письмо из Туапсе

...Многие страницы книги «Время нашей молодости» посвящены моей жизни и работе в Туапсе. Это объяснимо и оправдано. Я прожил в нем одиннадцать лет, самых колоритных и значимых для меня. Да и годы эти были не простые. Хрущевские.

И потому я очень ждал оттуда отклика на книгу.

В первый послепраздничный майский день 2012 года почтальон вручил мне письмо из Туапсе. Прочел адрес и обрадовался. Его прислала Ида Никитична Красновицкая. Я хорошо помню её – учительницу железнодорожной средней школы № 61, хотя после моего отъезда из Туапсе прошло уже 45 лет. Запомнилась она и внешним обликом, и содержанием. Смелая, решительная, принципиальная, непримиримая к любым негативам в жизни города, в деятельности городских властей. «Правду-матку» «резала» прямо и страстно. Так может говорить только неравнодушный человек, убежденный в своей правоте, обеспокоенный фактами, омрачающими жизнь людей.

Не помню уже по какому вопросу, но досталось от Иды Никитичны и мне, тогдашнему секретарю горкома КПСС. Такое случалось редко и потому осталось в памяти. Я всегда ценил человека, для которого справедливость и неравнодушие превыше всего, когда речь идет об интересах дела. Принципиальность – как трудно дается она многим. Ида Никитична была не просто неробкой, но и принципиальной...

Была? Нет, была и осталась на всю жизнь. Я не удивился, когда моя сестра Мария Павловна, рассказывая о деятельности нынешней коммунистической организации Туапсе, неизменно в числе самых активных коммунистов называла Иду Никитичну.

За свою 65-летнюю жизнь в партии я убедился: именно такими, стойкими, непоколебимыми в своих убеждениях, в отстаивании интересов дела, партии, народа являются «истые» коммунисты. Это особенно подтвердилось, когда наша партия перестала быть правящей, стала гонимой, преследуемой, третируемой, принципиально оппозиционной.

Бывшие члены КПСС, в огромном числе карьеристы, приспособленцы, трусы в одиночку покинули свою партию, предали её, постарались прекратить свое пребывание в её рядах, отмежеваться от всей её деятельности, от всей жизни партии и её великой истории.

Остались коммунистами только те, кто дорожит этим своим званием, кто мужественно и бесстрашно продолжает служить в нынешнее суровое, подлое время борьбе за наше правое, справедливое дело в интересах обездоленного, угнетённого народа.

...Волновался, распечатывая конверт. А когда стал читать, воспламенился сердечной благодарностью Иде Никитичне за отклик на мою книгу. Знаю, что она очень больна. Да и сама Ида Никитична откровенно пишет об этом: «Пишу ночью. Страдаю жесточайшей стенокардией. Уже, видимо, не преодолеть её. Да и возраст не добавляет сил...»

Но вот нашла в себе силы написать, хорошо понимая, как это важно для меня. Не осталась равнодушной. Это не в её характере, не в её принципах и убеждениях. Об этом говорят все строки письма Иды Никитичны:

«Дорогой Иван Павлович!

Бесконечно благодарна Вам за книгу „Время нашей молодости“ – первую из трилогии „Мы родом из СССР“. Это бесценный памятник уходящему поколению советских людей, создавшему могучую державу – Союз Советских Социалистических республик. Это убедительный учебник героических боевых и трудовых будней советской эпохи...

В нашей газете читала в отрывках из книги сюжеты о встрече с космонавтами, о Вашей борьбе за „спасение святыни“ – мемориального комплекса Зои Космодемьянской в Петрищеве. Но ждала книгу. И очень рада, что дождалась и прочла... Вашу книгу надо перечитывать, а уже очередь установилась моих родных и близких...

Глубоко потрясла рассказанная Вами история легендарной героини Зинаиды Михайловны Тусноловой-Марченко. Она тоже, как Николай Островский и его герои, смогла жить, побеждать тогда, когда жить, казалось, было уже невозможно...

Потомки будут черпать силы у таких героев, равнение держать на их стойкость и мужество, благодарить Вас за умение оставить им в наследство бессмертный героизм уходящего поколения советского народа-победителя. Как им нужна Ваша книга! Она учит побеждать!

...Яков Павлович Осадчий, всемирно известный трубопрокатчик. Ваш „брат“ помог городу выйти из трудного положения... Благодарный Туапсе этого не забудет... И это всё – наше советское братство, созданное советской эпохой.

...Младший „брат“ Ваш Виктор Осипович Лучин по-братски подставляет плечо. Так и рождалось, и продолжает, к счастью, оставаться, жить среди людей советских поколений великое братство многострадальной земли советской. И всё это создано ими – первопроходцами страны Советов.

...Спасибо, что много и по-братски любовно рассказали о сестре своей Марии Павловне, нашем неутомимом товарище по партии, дорогом нашем человеке. Она всегда была нашим мудрым, скромным, строгим руководителем. Она и сейчас с партией... Спасибо Вам, что Вы есть, что есть на кого равнение держать и верить, что наша держава советская возродится...

...В сердечной памяти остался Валентин Николаев, руководитель нашего Туапсинского комсомола. До последнего вздоха он активно работал в партии. С нами, в наших партийных рядах и Анатолий Фёдорович Мартынов, убежденный коммунист, верит в нашу победу. Не могу не назвать Георгия Семенович Новицкого – нашего идейного руководителя, организатора юбилеев Николая Островского, Михаила Шолохова и других, создателя уникальной партийной библиотеки „Ленинки“. Любим и гордимся им.

В нашем первичном отделении тоже мудрый секретарь Николай Иванович Щербак...

Из книги узнала многое о Вашей жизни, в которой было немало и трудных дней, и недугов. Радуюсь, что на протяжении всей жизни с Вами был неразлучно с пионерских лет всегда и везде Павка Корчагин, созданный легендарным Николаем Островским. Всегда выручал и помогал выстоять Вам, как и многим тысячам и миллионам корчагинцев всех советских поколений. И сейчас вижу Вас „на линии огня“ – в трудной борьбе за нашу поруганную Родину. Спасибо за КПРФ, спасибо за РУСО. Их судьбы – Ваша судьба.

...Хрущевско-брежневские времена основательно наследили... Но как проглядели-вскормили чуд-предателей Горбачева и уже с ним? Как позволили Ельцину расстрелять Советскую власть? Это сложно понять и объяснить...

Спасибо, что Вы подарили Кубани, России такого сына-коммуниста Колю – Николая Ивановича, признанного лидера коммунистов нашего края. Любим его, верим ему, гордимся им...

Кстати, у меня тоже подрастает Николай Иванович – трехлетний правнук...

Жаль, что снайперские снаряды из вечности рвутся в наших квадратах, косят наши ряды...

Да, ещё о книге.

Книга прекрасно оформлена: роскошная символизирующая обложка, богатство реального материала, четко изложенного в главах с конкретными заголовками, сопровождаемая удачными эпиграфами; обилие фотографий завораживает, отражает важные мгновения жизни Вашей и тех, кто был рядом с Вами; прекрасный язык, легко читается текст; хороший шрифт; много откровенных, подкупающих подробностей...

Я живу одна после недавней смерти мужа-инвалида Великой Отечественной... Часто навещает дочь Ирина, она живет в Туапсе, только в другом районе.

...Ещё раз бесконечное спасибо за книгу, с которой я вместе с Вами, с Павкой Корчагиным и Николаем Островским вновь прошла по жизни, трудной, но такой счастливой...

Ваша книга зовет сквозь мракобесие бандитского капитализма – к неременной победе социализма...»

И приписка:

«Рождена я в Туапсе в 1926 году. В комсомол принята 9 февраля 1943 года у легендарной горы Семашко. Это подтверждает и архивная справка Центрального музея Министерства обороны. Там, в самые трудные дни боёв с фашистами, на близких подступах к Туапсе довелось быть и мне.

...Потом учительствовала. Отличник народного просвещения...

Вместе с Георгием Семеновичем Новицким добились присвоения средней школе № 61 имя ее выпускника – Героя Советского Союза Тимофея Петровича Северова. Горжусь этим...

Сразу, как ушла на пенсию, была председателем Совета работников просвещения железнодорожников. С 1996 года – председатель контрольно-ревизионной комиссии Туапсинского райкома КПРФ.

...Посылаю Вам статью „Памятник неизвестному однокласснику“, которая была напечатана в газете „Туапсинские вести“... Может, Вам как-то пригодится...»

Спустя пять дней пришло второе письмо Иды Никитичны. Без колебаний я решил, что ее письма и статья из газеты непременно должны быть на страницах моей книги...

В промежутках между письмами Иды Никитичны прислал отклик на книгу и Георгий Семенович Новицкий. Словно угадав мое желание, Ида Никитична тут же прислала третье письмо и фотографию. На ней – она с Георгием Семеновичем 9 мая 2012 года. Засняла их дочь Иды Никитичны Ирина. Спасибо ей. Изумительная фотография...

Ну, а теперь полный текст статьи Иды Никитичны:

«Памятник неизвестному однокласснику»

Жизнь отдельного человека бесценна еще и потому, что она – кладезь уникального опыта прожитой жизни. Тем более драгоценен опыт целого поколения. Шекспировская строка „распалась связь времен“ передает трагедию истории, которая оказалась оборванной.

Не переживаем ли мы сейчас нечто подобное?

Уходит, уходит мое поколение, те, кто отбывал на фронт с выпускного школьного бала. Оно вынесло из огня истекающую кровью Родину, отстроило и сделало ее еще краше после войны. В пору его рабочей зрелости страна, как никогда, была могуча и богата. И вот мои сверстники уходят: не услышанные никем, не передав своей эстафеты служения Отечеству?

У фронтовиков есть главный памятник – могила Неизвестного солдата. Я думаю, что поколение, родившееся при Советской власти и сходящее сейчас со сцены вместе с ней, тоже достойно памятника. И я решила положить свой кирпичик в его фундамент, рассказав о выпускниках Туапсинской школы № 8 (ныне школа № 3), которых я знала и знаю лично.

И хотя каждый достоин книги, пусть им достанется хотя бы по несколько строк, но о самом главном.

В 41-м тысячи комсомольцев по всей стране уходили на фронт и высшей для себя честью считали возможность умереть за свой народ. Выпускники нашей школы часами простаивали у призывных пунктов военкоматов и, добившись своего маленького листочка – повестки, уходили с сияющими лицами. По-разному сложились их фронтовые судьбы.

Антонина Верецагина – отважная десантница-разведчица – погибла при исполнении боевого задания. Память о ней хранят учащиеся школы, имя героини увековечено на одном из городских обелисков.

Комсомолец Володя Горбунов – человек, которому досталась очень тяжелая военная судьба. Он и его друг Леонид Паддей добровольцами ушли на фронт и вместе сражались под Керчью в составе 56-й Отдельной Приморской армии. Леонид героически погиб, Володя после тяжелого ранения полностью ослеп в 1943 году. Но мужество не оставило его. Владимир нашел в себе силы не замкнуться в своем несчастье и стал одним из самых активных общественников в городском обществе слепых. Его не обошло житейское счастье – он глава прекрасной семьи и отец двух дочерей.

Прямо из школы в огонь боев ушли Лидия Казарцева, ставшая пулеметчицей, и Надежда Паддей, отважно выполнявшая боевые задания в качестве разведчицы десанта. Теперь эти школьные подруги вместе с другими патриотами и ветеранами рассказывают молодым правду о своем поколении, прошедшем сквозь огонь истории.

Мальчишкой ушел на фронт Владимир Матюхин. После окончания кратковременных артиллерийских курсов он сражался на фронте до полной победы над врагом. В звании капитана вернулся в Туапсе и самоотверженно трудился в органах милиции: был одним из лучших следователей головного розыска, а затем начальником портовой милиции. Но жизнь ветерана-фронтовика трагически оборвал до времени притаившийся у самого сердца осколок.

А Валентина Матюхина еще до начала блокады Ленинграда успела поступить в Ленинградский пединститут. Перенесла все ужасы окружения города, принимала участие в его геро-

ической обороне, награждена медалью „За оборону Ленинграда“. После войны Валя успешно трудилась в Туапсинской школе № 1, а затем в нефтяном техникуме.

Трагической оказалась судьба у сестер Кочневых – Валентины и Тамары. Они возводили укрепления на подступах к Туапсе, когда во время очередного авианалета их обеих накрыло взрывом бомбы. Инвалидность. Но они выжили, превозмогли боль и сумели найти место в активной жизни. Теперь обе на заслуженном отдыхе ветеранов труда. Беззаветную преданность Отчизне проявили и другие комсомольцы нашей школы, чья юность прошла в огне войны.

Я тоже училась в этой школе, и мой десятый класс пришелся на огненный 41-й. Когда фашисты уже рвались к Туапсе, добровольно ушла в армию. Попала в 104-е управление военно-полевого строительства. Сейчас, когда вспоминаю то время, удивляюсь: как хватало у людей мужества посреди того ужаса сохранять веру в грядущую победу?

Когда враг был уже отброшен от города и фронт покатился на запад, я считала для себя возможным уволиться из части. Мирной стране вскоре должны были понадобиться специалисты, и я уехала на Урал, куда был эвакуирован Ленинградский пединститут. Сдав экстерном экзамены за десятый класс, сумела сразу поступить в пединститут.

Мое студенчество прошло в послевоенном Ленинграде, куда институт переехал сразу после снятия блокады. Красивейший город Европы лежал в руинах. Там меня выбрали секретарем факультетского комитета комсомола, и мне пришлось создавать из студентов бригады кровельщиков, стекольщиков, штукатуров, маляров и других строительных специальностей. После лекций мы восстанавливали институтские корпуса, работали в подсобном хозяйстве. Для нас трудовые семестры шли одновременно с учебными.

С новеньким дипломом учителя я приехала в родной Туапсе. Он уже успел залечить раны и выглядел, как в детстве, – тихим и уютным южным городом. Здесь и началась моя учительская работа.

Я рассказала о немногих своих одноклассниках-одноклассниках, кого помню и люблю. Не самые большие подвиги совершали они. Например, выпускник школы Герой Советского Союза Тимофей Петрович Северов – личность исключительная и легендарная, заслуживающая отдельной публикации, но о нем в этой статье я писать не собиралась. Мне хотелось вспомнить о судьбах, типичных для поколения, об их незаметном ежедневном служении своему Отечеству. Конечно, они могли прожить сытнее, благополучнее, спокойнее, но для них это не значило прожить лучше.

Нынешние молодые с недоверием относятся к пафосу. У них в памяти другие войны, которые они не могут назвать ни Великими, ни Отечественными. Но может быть, их сегодняшний скепсис разбавит наш опыт поколения победителей? Опыт людей, умевших жить для своей Родины.

Я мечтаю о памятнике Неизвестному однокласснику. Неизвестный, потому что его забыли. А памятник – он ведь от слова память...

И. Красновицкая, комсомолка 40-50-х годов».

Поправки

Я ошибся, написав в главе «Десант космонавтов», что не сохранил у себя фотографии первых покорителей космоса, побывавших во Всероссийском пионерском лагере «Орленок» в середине 60-х годов. Предусмотрительно переснятые фотокопии обнаружились у сына, и он незамедлительно переслал их мне. Конечно же, я с радостью решил поместить их в этой книге. К стати замечу, что глава «Десант космонавтов» была опубликована в Краснодарской краевой газете «Вольная Кубань», в «Туапсинских вестях» и в газете Ленинского района Московской области «Видновские вести», а также в журнальном приложении к ней «Мы вместе»...

В главе «**Звони брату**», в которой рассказывается о знаменитом советском промышленнике – строителе и директоре Челябинского трубопрокатного завода Якове Павловиче Осадчем, доверившись сообщению из Челябинска, я написал, что его фотографию мне удалось получить благодаря оперативной помощи сенатора Сергея Олеговича Рыбака от брата Якова Павловича, проживающего в Москве. Но уже после выхода книги в свет, узнал, что фото для книги предоставил **сын Якова Павловича – Владимир Яковлевич**.

Еще раз подтвердилась справедливость народной мудрости: «Доверяй, но проверяй».

* * *

За два года работы над книгой «Время нашей молодости» я снова пережил время и события, освещенные в ней. Издание книги принесло мне не только вполне объяснимую радость, но и несказанную горечь и боль. За десятилетия, минувшие после освещаемого в книге времени, ушли из жизни многие из тех, о ком в ней рассказывается. Но живые, прочитав книгу, благодарно откликнулись письмами и телефонными звонками.

Из Приморья первой отозвалась на книгу Лидия Павловна Субочева (Шадрина) – бывший первый секретарь Приморского крайкома комсомола. Она поведала мне о тех, кто жив, и о тех, кого уже нет, но чьи имена и образы продолжают жить в памяти и сердцах.

Борясь с недугами, остаются в коммунистическом строю бывший главный редактор газеты «Тихоокеанский комсомолец» – Василий Дмитриевич Ключник; бывшая заведующая лекторской группой крайкома комсомола – Клара Ким; бывший заведующий отделом рабочей молодежи крайкома комсомола – Юрий Субочев; бывший секретарь Первомайского райкома комсомола Владивостока – Нина Федоровна Суворова (Романова).

Книга вызвала большой интерес у старых друзей и соратников по работе в Туапсе. Первыми благодарно отозвались на нее Прокофий Григорьевич (Саша) Анцыферов – из когорты старых гвардейцев хасанского комсомола и его дочь – заслуженная учительница России Наташа; Оля и Олег Гуцаловы, Василий Степанович Романченко, его супруга Мария Тимофеевна и сын Валерий. И, естественно, моя родная сестра Мария Павловна, её сын и внуки...

Большую помощь на завершающем этапе работы над книгой «Время нашей молодости» оказала мне Мира Васильевна Марьяненко, бывший пионерский и комсомольский работник, а затем секретарь Брюховецкого райкома партии. И теперь, получив и прочитав книгу, она не удержалась, чтобы излить поскорее свои впечатления, свое волнение и благодарность. А затем спустя две недели она снова позвонила и рассказала, что книгу уже прочли Анатолий Орехов – бывший инструктор райкома комсомола, Юлия Калашникова – бывший секретарь одной из комсомольских первичек, а теперь её читает Володя Гуцалов. «Это наш современный корчагинец», – так отозвалась о нем Мира Васильевна и вслед добавила: «Пока книгу мою не зачитали до дыр, я решила передать её в районную библиотеку».

Я поспешил порадовать её: «Не следует этого делать. Книги для библиотеки и названных Вами ветеранов комсомола передаст мой сын – Николай Иванович». Кстати он всякий раз по телефону рассказывает об интересе, с которым читают книгу коммунисты Кубани...

И вот еще одна волнующая весточка из администрации Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко: «Ваша книга займет достойное место в президентской библиотеке».

...Я рассказал здесь только о первых откликах на книгу «Время нашей молодости», полученных из разных мест моей комсомольской жизни.

Они радуют и вдохновляют. Вопреки всем сложностям времени, в котором мы сейчас живем, и недугам, основательно осложняющим жизнь, я спешу, во что бы то ни стало, продолжить и завершить работу над трилогией «Мы родом из СССР», другими рукописями, которые на моем рабочем столе...

P.S.

...Неожиданным, и поэтому особенно дорогим явился отклик на книгу, размещенный в Интернете неизвестным автором 7 октября 2011 года. Интернет пришел в нашу квартиру только 1 июня 2012 года. Эту радостную весточку мы обнаружили только 10 июня. К тому дню работа над второй книгой трилогии была практически завершена. Начиналась её верстка...

Но я решил малость потеснить вступительную главу «Отзвуки первой книги» для интернетовской «находки». Вместе со словами искренней благодарности автору отклика. Вот его содержание:

«Воспоминания человека, родившегося в 1927 году и всю жизнь связанного с комсомолом, партийной работой и преподаванием. Как пишет сам автор, для него вечным образцом настоящего человека был Николай Островский. Конечно, жизнь этого человека является не совсем типичной, он с молодых лет оказался на общественной работе, был комсомольским работником, журналистом, секретарем горкома партии и т. д. Но с другой стороны, она и довольно типична – парень из городка, являвшегося по сути большой деревней, выходец из не слишком зажиточной семьи, переживший оккупацию, гибель отца, вынужденный работать с юных лет и всего добиваться самостоятельно, стал партийным работником, а потом защитил две диссертации, стал профессором, заведующим кафедрой университета. Такое было возможно только в советское время, когда все двери были открыты любому гражданину страны, когда все зависело от самого человека, его активности, желания и умения работать. Читать книгу довольно интересно, автор работал в самых разных концах нашего государства – от Литвы до Приморского края, на разных работах, встречался с самыми разными и интересными людьми, сохранил до седых волос способность держать удар, остался верным идеалам своей юности. Могут быть определенные претензии к стилю, автор иногда грешит высокими словами, но это его право, он пишет о своей жизни, в конце концов.

Получилось не просто жизнеописание человека, но интересная картина жизни страны в советское время. Кстати, неплохая иллюстрация к вопросу о том, что собой представляла жизнь обычного, так сказать, аппаратного работника. Для молодых многое будет откровением, для людей старшего возраста возможность вспомнить былое».

К главе «Спасение святыни». Письмо из Петрищево

Благодарное письмо коллектива музея Зои Космодемьянской порадовало тем, что теперь он приобрел статус военно-исторического музея и активно действует. Об этом и рассказывает текст письма:

«2011 год был юбилейным для музея. Подвигу Зои Космодемьянской – 70 лет. Поток экскурсантов увеличился. 29 ноября в Петрищево на площади перед музеем был проведен митинг, посвященный памяти Зои. Участники – школьники, студенты, военнослужащие, ветераны В.О.В., представители администрации г. Рузы, п. Дорохово, делегация из Москвы (250 чел.). Прошли по музею, возложили цветы и венки к месту казни героини и к дому Кулик П. Я. В этот день 25 учеников Космодемьянской школы были приняты в „космодемьянцы“. В течение дня в актовом зале музея демонстрировался новый фильм „Зоя“, снятый телеканалом „Звезда“. Ежедневно в нашем музее проходят экскурсии...»

Очень рад, что музей живет активной жизнью.

Слово ровесника

Взволновало письмо моего ровесника Михаила Никитовича Доля, ветерана труда, жителя города Видное, опубликованное в «Видновских вестях»:

«На днях получил в подарок книгу „Мы родом из СССР“ с дарственной надписью от автора – профессора истории И. П. Осадчего. Прочитал, как говорится, „залпом“. А интересной эта книга мне стала своей искренностью и правдивостью.

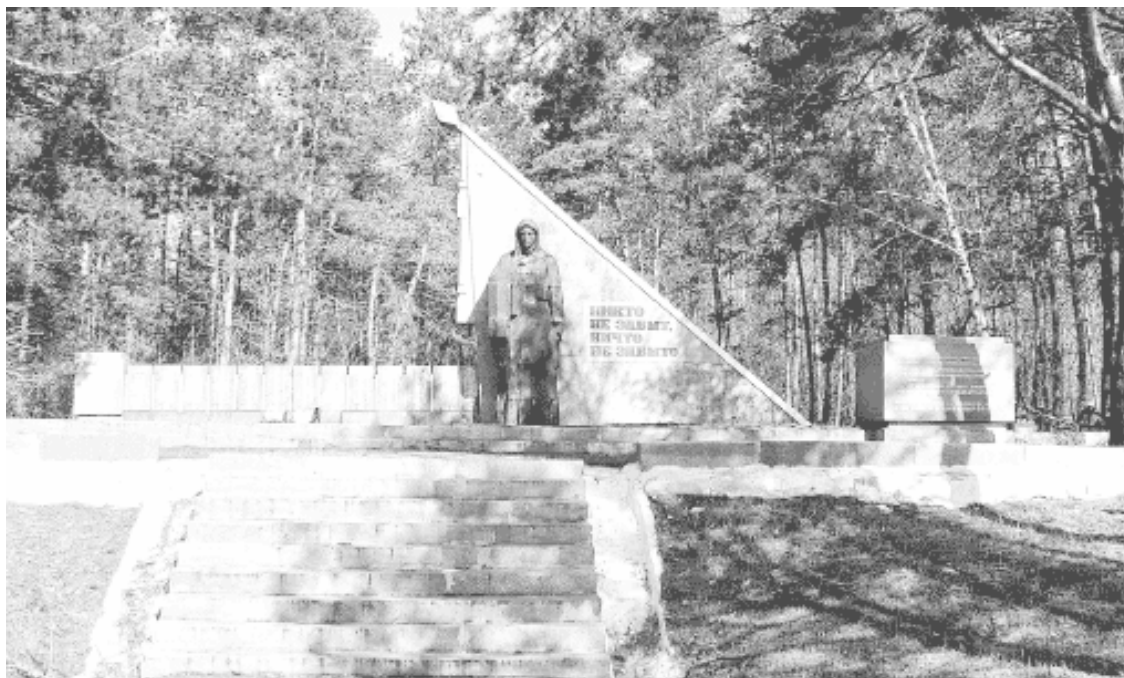
Бывший партийный работник пишет о том, как жила и работала в советские годы молодежь – ярко, самоотверженно, с огоньком.

Я с удовольствием и благодарностью вспоминаю то прекрасное время, связанное с Великой Победой, первым полетом в космос и другими историческими событиями, прославившими нашу страну. Да, мы родом из СССР...»

К главе «Барвенково – моя колыбель»

Памятник основателю города Ивану Барвинку.

Мемориал Славы воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Здание бывшей семилетней школы № 2, которую автор книги окончил в июне 1941 года.

Иван Петрович БОВДУЙ, глава Барвенковской районной государственной администрации (снимок 2012 г.)

К главе «Десант космонавтов» (встреча в «Орлёнке»)

Выступает Юрий Алексеевич Гагарин.

Справа налево: Юрий Гагарин, Владимир Комаров, Андриян Николаев.

Слева направо: Владимир Комаров, Юрий Гагарин, Константин Феоктистов, Алиса Дебольская – начальник п/л «Орлёнок».

Слева направо: Юрий Гагарин, Андриян Николаев, Алексей Леонов.

Космонавты и жены Ю. Гагарина и В. Комарова в жилой комнате пионерлагеря.

Проводить космонавтов пришли Я. Г. Швыдков, И. Т. Беликов, Б. И. Круглов.

К главе «Туапсе»

Ида Красновицкая, выпускница Ленинградского педагогического института. 1947 г.

Ида Никитична Красновицкая, преподаватель Туапсинской железнодорожной школы № 61. 1972 г.

На фото: Ида Никитична Красновицкая и Георгий Семенович Новицкий 9 мая 2012 г.

Отклик из Владивостока

Владимир Витальевич Гришуков, первый секретарь Приморского крайкома КПРФ

К сюжету «Отклик из Сочинского музея Николая Островского»

Дом-музей Николая Островского в Сочи. Здание построено в дар писателю Правительством Украинской ССР

Часть первая

Глава первая. Разноцветное восемнадцатилетие (1964–1982 гг.)

*Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой:
Грустить с тобой, Земля моя,
И праздновать с тобой...*

Эти строки известной и любимой советской песни наиболее точно отражают то настроение, с которым мы, советские люди, жили в обозначенный период советской истории. Да и вообще они созвучны думам и чаяниям тех, кому довелось, посчастливилось жить в советскую эпоху.

Хотя в моем представлении, в представлении человека, жившего в зрелом возрасте и в сталинское время, и в годы хрущевской распутицы, и в пору брежневского разноцветья, эти периоды советской истории разнятся между собой.

О сталинском и хрущевском времени я уже рассказал в первой книге. Наступила пора поразмышлять о послехрущевском восемнадцатилетии, которое соразмерно брежневскому периоду. Оговорюсь сразу, что брежневские годы тоже разные. Эта «разность» всегда была видна невооруженным глазом.

Разнятся, прежде всего, искусством партийного и государственного руководства, отражавшегося на атмосфере в обществе, на состоянии и развитии экономики, социальной и духовной сферы.

Вся советская эпоха овеяна романтикой, пропитана энтузиазмом, невиданной в истории героикой освобожденного труда, – труда не на капиталистов, а на благо всего народа, во имя могущества и благополучия своей великой Родины – Союза Советских Социалистических республик.

В одной из лучших песен Александры Пахмутовой есть замечательные строки:

Забота наша такая,
Забота наша простая:
Жила бы страна родная, —
И нету других забот...

Ей вторит автор другой песни:

Радость общая и горе общее
У моей земли и у меня...

Поэты и композиторы, создававшие такие прекрасные песни, отражали в них дух времени, настроение народа, атмосферу в обществе. И поэтому песни обретали крылья, мгновенно разлетались по стране, западали в души людей и прорывались наружу. Их пели в концертах и на праздничных демонстрациях, в кругу друзей и семейных застолий. Именно так. Советские песни отражали жизнь, настроение людей.

А вот за минувшие два десятилетия в «ново-русской», «демократической» России поэты и композиторы не могут создать даже какого-то подобия тех величественных песен, которые наполняли советскую жизнь. Хорошее, светлое, жизнерадостное не может рождаться и звучать в мрачное безвременье, переживаемое нынешней Россией.

Мы, люди советского времени, знали, что живем, трудимся, обустроиваем и защищаем свою Отчизну именно с теми мыслями и чувствами, которые звучат в прекрасных советских песнях. Во имя Советской Отчизны совершались ратные и трудовые подвиги, строились новые города, заводы и фабрики, возводились гигантские гидроэлектростанции, поднималась целина, осваивался космос, рождались песни, создавались шедевры кино...

Многие годы и десятилетия советский народ жил неукротимым желанием видеть свою любимую Отчизну могущественной, а жизнь – счастливой. Этот вывод справедлив и по отношению к хрущевским и брежневским годам, вопреки властолюбивым, невежественным и самодовольным вождям...

Устранение Хрущева с высших государственных и партийных постов было встречено советскими людьми с полным одобрением. Они ждали от нового руководства КПСС и Советского правительства решительных действий, коренных изменений к лучшему. И не обманулись.

Избрание пятидесятивосьмилетнего Л. И. Брежнева, сравнительно молодого и энергичного, Генеральным секретарем ЦК КПСС было встречено в партии и в народе с надеждой на лучшее.

Особое удовлетворение вызывало назначение на пост Председателя Совета Министров СССР Алексея Николаевича Косыгина и включение в состав Правительства многих опытных и авторитетных лиц. Дела стали быстро налаживаться. Резко менялось настроение в обществе. Восстанавливалось доверие к руководству партии и страны.

Без шума и треска, спокойно и деловито исправлялись серьезные ошибки, допущенные Хрущевым практически во всех областях жизни и развития советского общества. Были восстановлены единые партийные организации. Их разделение на сельские и промышленные, лихорадочно проведенное по инициативе Хрущева, представляло реальную угрозу единству партии, породило на практике множество острых проблем, при решении которых возникали противоречия и раздоры между сельскими и промышленными партийными комитетами.

Были ликвидированы совнархозы и возрождены отраслевые министерства, что означало восстановление высокопрофессионального уровня руководства различными отраслями экономики. Это оказалось непростой задачей, так как за короткое время после ликвидации Хрущевым отраслевых министерств были растеряны многоопытные кадры, ушедшие из управленческой сферы на производство, в научно-исследовательские институты, на другие участки работы.

Экономика страны снова становилась единым народнохозяйственным комплексом. Восстанавливалась единая общесоюзная система планирования.

В хрущевский период в наибольшей мере пострадало сельское хозяйство, «руководству» которым он уделял особенно много внимания. В разумные рамки была возвращена «царица полей» (кукуруза).

Всюду, где проходила авантюрная «преобразовательная» деятельность Хрущева, – в архитектуре или в жилищном строительстве, создавались серьезные трудности, которые надо было незамедлительно, но спокойно и разумно решать.

Под внешне привлекательным лозунгом решения жилищной проблемы, как грибы после дождя, появились по всей стране и в большом количестве малопригодные для нормальной жизни «хрущобы», в которых миллионы людей были обречены ютиться многие десятилетия. Сейчас, в начале XXI века, «хрущобы» остаются «притчей во языцех» для нынешних господ и пристанищем для множества людей.

Немало трудностей было порождено хрущевским волюнтаризмом во внешнеполитической области, в межгосударственных отношениях. Их тоже надо было мудро и деликатно исправлять.

Но, пожалуй, самыми трудно исправимыми были ошибки, совершенные по хрущевским «рецептам» в теоретической области, особенно в программах социалистического и коммунистического строительства. Марксистско-ленинская теория была настолько вульгаризирована, что исправить её, преодолеть невежественные «выводы» и «оценки», сделанные в угоду волюнтаристски-проектным «планам» и «программам» Хрущева услужливыми лжеучеными, так и не удалось до самого конца советской эпохи.

За все эти «новации» в науке ответственность несла КПСС в целом, ибо от ее имени преподносились и «увековечивались» все «гениальные» выводы и оценки «вождей».

Без громких слов разумно и неспешно в партии и в народе велась работа по восстановлению верных и справедливых оценок сталинской эпохи и всего, что было совершено советским народом под руководством КПСС во главе с И. В. Сталиным.

В 1969 году Постановлением Совета Министров РСФСР поэту С. В. Смирнову была присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького за поэтические произведения 1967–1968 годов, вошедшие в сборник «Свидетельствую сам». Центральное место в нем занимает поэма, давшая название всему сборнику. Есть в ней и строки, посвященные «культу личности» Сталина:

Мы о культе личности сказали,
Не тая, что личность-то была...
Да! – в таких буквально – людях-глыбах,
До вершин вознесшихся не вдруг, —

Надо не замалчивать ошибок,
Но и не зачеркивать заслуг...

В этих мудрых строках поэта выражено и мое видение Сталина...

Жизнь в стране возвращалась в спокойное, уверенное, нормальное состояние. Это вскоре положительно сказалось на развитии экономики и росте благосостояния людей. Особая заслуга в этом была главы Советского Правительства А. Н. Косыгина. После десятилетних провалов народнохозяйственных планов в хрущевские годы восьмая пятилетка (1966–1970) была досрочно и успешно выполнена.

Восьмую пятилетку по праву можно назвать «Косыгинской»: в ходе её были сделаны важные шаги в развитии советской экономики, особенно в сфере материального стимулирования производства и производителей.

В целях обеспечения пропорционального развития производства, ускорения научно-технического прогресса, централизованного планирования и управления экономикой страны по инициативе и под непосредственным руководством А. Н. Косыгина была разработана и успешно осуществлялась экономическая реформа, направленная на повышение эффективности развития производства и материальной заинтересованности его работников; проводились реконструкция и техническое оснащение предприятий. Особое внимание уделялось развитию наукоёмких и перспективных направлений.

Большое развитие получили электронная, атомная, приборостроительная промышленность, станкостроение, энергетическая, космическая и оборонная отрасли, производство товаров для населения. Было построено много новых заводов и фабрик, оснащенных современным оборудованием; возведены крупные комплексы химической промышленности, научные и производственные центры по электронике, мощные гидро-, тепло- и атомные электростанции; открыты и задействованы новые промыслы по добыче нефти и газа; построены автозаводы в Ташкенте и Набережных Челнах; строилась Байкало-Амурская магистраль.

На предприятиях и стройках внедрялись хозрасчет, бригадный подряд, экономические методы работы. Это являлось важным стимулом материальной заинтересованности людей в результатах своего труда.

Осуществлялись меры, направленные на преодоление серьезных трудностей в развитии сельского хозяйства. Был изменен порядок заготовок и закупок у колхозов и совхозов зерна и продуктов животноводства. Вместо ежегодных заданий они получили пятилетний неизменный план продажи государству сельскохозяйственной продукции. Сверхплановую продукцию было разрешено реализовывать по усмотрению хозяйств. Этим повышалась материальная заинтересованность тружеников сельского хозяйства. Колхозники и работники совхозов наделялись приусадебными и земельными участками, огородами. Был не просто снят запрет на личное подворье, но и поощрялось желание иметь в личном хозяйстве животных и птицу.

Хорошо зная вопросы экономики и финансов, А. Н. Косыгин осуществлял меры по улучшению организации производства и труда. Под его постоянным контролем находились финансы государства. При его непосредственном участии ежегодные пятилетние планы были всесторонне сбалансированы. Доходы государства всегда на 3–5 % превышали расходы, и тем самым создавался резерв средств для финансирования непредвиденных работ. Дефицит в бюджете не допускался. Если появлялась необходимость увеличения выпуска денег (эмиссия), то устанавливался самый короткий срок их изъятия из оборота.

Говоря об А. Н. Косыгине, нельзя не отметить его громадные заслуги в области внешне-политической, межгосударственной деятельности.

Внешняя финансовая задолженность в бытность А. Н. Косыгина на посту главы Советского Правительства практически не допускалась. Напротив, социалистические и многие раз-

визающиеся страны были должниками Советского Союза за поставляемые материалы, оборудование, оказание различных услуг.

Займы в валюте у банков капиталистических стран составляли не более 5–7 миллиардов долларов, и, учитывая высокий процент, возвращались своевременно.

В силу этого в государстве создавалось прочное финансовое положение. А. Н. Косыгин тщательно следил за строгой сбалансированностью товарно-денежных отношений в стране; требовал от Госплана и Минфина, других министерств наиболее полного обеспечения выдаваемых населению денег товарными ресурсами.

А. Н. Косыгин уделял постоянное внимание развитию внешнеэкономических связей нашей страны с социалистическими государствами. Посредством СЭВ (Совета экономической взаимопомощи) осуществлялись межгосударственные специализация и кооперация производства, поставки различной продукции на сбалансированной основе.

А. Н. Косыгин также смело шел на развитие двусторонних взаимовыгодных торгово-экономических отношений с капиталистическими странами. Наряду с закупками в них современного оборудования и технологий, приобретались также товары народного потребления. Это способствовало насыщению внутреннего рынка необходимыми товарами и сбалансированию внутреннего бюджета; это было выгодно советскому государству и более полно удовлетворяло спрос внешнего рынка.

Трудно переоценить всё то, что сделал А. Н. Косыгин, возглавляя Советское Правительство, для развития экономики и улучшения благосостояния советских людей. Его глубоко и искренне уважали и ценили. Он пользовался огромным авторитетом в нашей стране и за её пределами.

Я осознанно делаю акцент на исключительной роли А. Н. Косыгина, как Председателя Совета Министров СССР, в преодолении серьезнейших трудностей в экономике страны, накопившихся в хрущевские годы, и обеспечении её успешного дальнейшего развития.

Благодаря А. Н. Косыгину, в бытность его главой Советского Правительства, советская страна быстро добилась восстановления прекрасной традиции – досрочного выполнения и перевыполнения пятилетних планов, свойственной сталинскому времени и утраченной в хрущевские годы. Как я уже отмечал, особенно показательна в этом отношении восьмая пятилетка. Успешно развивалась экономика страны и в следующей, девятой пятилетке. Безусловно, в этом заслуга всего советского народа, его героического, самоотверженного труда.

Уверен, что результаты экономического развития страны и в целом советского общества были бы еще более значительны в данный период, если бы... К сожалению, «если бы» снова повторилось.

Как и в случае с Н. С. Хрущевым, новое высшее партийное руководство оказалось не на высоте тех задач, которые стояли перед страной в её движении по пути социалистического строительства. На смену скромному, энергичному Л. И. Брежневу, в бытность его на предшествующих постах и в первые годы пребывания в должности Генерального Секретаря, пришел другой Брежнев, не способный критически оценивать своё «я» и результаты своей деятельности.

Вот что пишет в своих воспоминаниях **Николай Иванович Рыжков**, избранный в 1982 году по предложению Ю. В. Андропова Секретарем ЦК КПСС по экономике, затем с 1985 года – Председатель Совета Министров СССР:

«Конечно, мы в 83-м пионерами в деле экономических преобразований не были. В 60-е и 70-е годы такие попытки предпринимались дважды по инициативе Алексея Николаевича Косыгина, Председателя Совета Министров СССР. Это был человек умный, компетентный и дальновидный. Косыгинская экономическая реформа 1965 года дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производи-

тельность труда на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение.

...Я тогда работал на Уралмаше и косыгинскую реформу испытал на себе. Хорошее было начало по тем временам: предприятия, обретая ранее невиданные права, вздохнули свободно. Да и подросшая зарплата кармана работника не тянула. Но вскоре реформу начали откровенно и резко скручивать. Делали это те, кто сразу усмотрел в экономических преобразованиях „угрозу политической стабильности строя“. Впрочем, с их позиций было чего испугаться: именно преобразования экономики неизбежно вытягивали за собой демократизацию всего общества. А этого ни Брежнев, ни Суслов, ни иже с ними допустить не могли.

Вторая попытка оздоровить экономику была предпринята в 1979 году, опять же при Косыгине, хотя в это время он уже был очень болен. И, к сожалению, и эта попытка так и осталась только попыткой... Официально ситуация в экономике признавалась „лучше некуда“. Показуха достигла головокружительных высот, главные лица страны находились в состоянии блаженнейшей эйфории». (Н. И. Рыжков. «Десять лет великих потрясений». М, 1996, с. 44–46).

Ещё одно мнение об Алексее Николаевиче Косыгине. **Виталий Иванович Воротников**, работавший в бытность А. Н. Косыгина главой Советского Правительства, – первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР рассказывает:

«Каким остался в моей памяти Алексей Николаевич Косыгин?»

...Это был высоко эрудированный человек, обладавший феноменальной памятью. Опытный управленец – хозяйственник, экономист и финансист, прошедший большую практическую школу, будучи министром легкой промышленности, министром финансов, первым заместителем Председателя Госплана СССР.

Организаторский талант А. Н. Косыгина в полной мере проявился в период Великой Отечественной войны, когда он возглавил титаническую работу по перебазированию на Восток, в кратчайшие сроки, сотен крупных заводов из Европейской части страны. Поэтому он отлично знал все транспортные, речные, автодорожные пути и развязки в самых отдаленных районах страны, чем иногда ставил в тупик опытных путейцев. Он хорошо разбирался в городском хозяйстве, был сведущ в деятельности базовых отраслей промышленности.

В то же время А. Н. Косыгин был тонким и мудрым политиком международного уровня. Ему приходилось возглавлять делегации или участвовать в сложных переговорах по вопросам внешней политики государства, и всегда он умело отстаивал интересы Советского Союза и наших друзей. Не только официальные переговоры, но и его приватные беседы с лидерами ряда стран, в том числе и с Ф. Кастро, во многом содействовали укреплению межгосударственных отношений.

В работе А. Н. Косыгин был деловит, немногословен, ценил свое и чужое время, в решениях – четок и однозначен. Умел до конца выслушать деловой совет, но сходу отметал болтовню и дилетантство. Мог по делу резко отчитать нерадивого или поддержать, похвалить того, кто проявлял инициативу, высказывал дельное мнение.

...Мне очень импонировали методы работы Косыгина. Это была наглядная школа управления. Он не терпел словопрений, на заседаниях Президиума сразу пресекал говоруну, а тем более некомпетентного или недостаточно осведомленного в сути вопроса оратора. Делал это строго, даже жестко, не считаясь с „авторитетом и заслугами“. Важно было не только то, что он этим берег время свое и других. А, в еще большей степени, то, что он точно формулировал ответ на заданный вопрос,

предлагал и четкую запись в проект решения. Нередко, если внесенный в повестку вопрос был недостаточно проработан, он не искал экспромтом ответа на него, а снимал с обсуждения, устанавливая срок повторного рассмотрения...

...Общение с А. Н. Косыгиным было для меня хорошей школой. Своим примером в работе, поведении, высокой дисциплиной, организованностью, объективностью и беспристрастностью он воспитывал окружающих. По моему убеждению, в СССР тогда не было руководителя, которого можно было бы поставить рядом с А. Н. Косыгиным.

...Долго и самоотверженно тащивший экономический воз А. Н. Косыгин надорвался, в 1976 году у него на отдыхе произошло кровоизлияние в мозг. Он больше месяца проболел и невольно снизил активность в работе. В октябре 1979 года случился глубокий инфаркт, потом прибавилось новое заболевание. Он очень тяжело переживал свой вынужденный отход от дел. В августе 1980 года, когда он находился в больнице, Брежнев отправил его в отставку.

Он был заменен старым приятелем Брежнева 75-летним Н. А. Тихоновым. Это была совершенно неравнозначная замена.

...В декабре 1980 года Алексея Николаевича Косыгина не стало. Эта потеря оказалась невосполнимой для партии и страны». (В. И. Воротников, «Откровения». М, 2010, с. 212, 215, 216).

И началось всевластие Л. И. Брежнева...

Я не склонен одним цветом оценивать всё 18-летнее пребывание Л. И. Брежнева на посту Генерального Секретаря ЦК КПСС. Во всяком случае, по моим наблюдениям «со стороны», снизу, с должности секретаря Туапсинского горкома КПСС, в первые послехрущевские годы работа в руководстве партии и государства спорилась. Это являлось очень важным условием успешного решения сложных и трудных вопросов, доставшихся в наследство от Хрущева. Да и внешнее поведение Брежнева на первых порах не высказывало никаких тревог, не вызывало волнений. Всё это радовало и укрепляло надежду на благополучное преодоление партией и страной образовавшихся трудностей и проблем. Мои представления и понимание ситуации подтверждает известный партийный и государственный деятель СССР Константин Федорович Катушев. Но сначала о нем самом по книге М. Ф. Ненашева «Последнее Правительство СССР». (М. 1993):

«Страницы биографии: родился в 1927 году в селе Большое Болдино Горьковской области. Окончил Горьковский политехнический институт по специальности инженер-механик. Начало трудовой деятельности связано с Горьковским автозаводом, где он работал конструктором, ведущим конструктором, заместителем главного конструктора. С 1957 года на партийной работе.

Судьба не была благосклонной к этому человеку и часто бросала его в самую гущу политических событий, где ему не просто было сохранить свою самостоятельность, отстаивать позицию здравого смысла. В апреле 1968 года К. Катушева неожиданно избрали секретарем ЦК КПСС, и он оказался самым молодым в руководстве КПСС. Как Секретарю ЦК ему было поручено заниматься социалистическими странами в сложное время острого конфликта СССР и КНР, ввода войск осенью 1968 года в Чехословакию. Противостоять в это время жесткой партийной политике М. Суслова было трудно. К чести К. Катушева, даже в самых чрезвычайных ситуациях он оставался реалистом, человеком, сохранявшим здравый подход, выступавшим против политики диктата КПСС во взаимоотношениях с коммунистическими партиями социалистических стран.

Стремление сохранить свою позицию не могло не вызвать негативного отношения в ЦК КПСС к К. Катушеву со стороны партийных ортодоксов. В 1977 году его переводят на работу в

Совет Министров к А. Н. Косыгину, а в 1982 году назначают послом СССР в республику Куба. Возвращение Катушева с Кубы в 1985 году стало началом его деятельности в роли министра внешних экономических связей в правительстве Н. Рыжкова.

К. Ф. Катушев из тех, кто не терпит красноречия, многословия. Он один из немногих бывших руководителей КПСС, который не выступал в прессе с исповедями или обличениями. И по сути, впервые согласился участвовать в этом диалоге, чтобы поделиться своими размышлениями о последнем правительстве СССР. Нашу беседу мы начали с того, как складывалась его биография, как он оценивает время работы в ЦК КПСС, в правительстве СССР», – пишет М. Ф. Ненашев в своей книге.

Представление о Константине Федоровиче Катушеве будет не полным, если не послушать его самого:

«Я принадлежу к поколению людей, воспитанных страной социализма, для которых вера в будущее всегда была связана с общим благом народа и благом Отечества. Для нас девиз „Раньше думай о Родине, а потом о себе“ был нашим убеждением и нашей молитвой. Как бы теперь ни охаивали ретивые обличители наше прошлое, мы гордимся, что были свидетелями и участниками великой победы над фашизмом и освобождения Европы в Отечественной войне. На наших глазах и при наших усилиях страна залечивала тяжелые раны войны, осваивала целину, совершила прорыв в космос и стала великой державой». (М. Ф. Ненашев, «Последнее Правительство СССР». М, 1993, с. 137–138).

Этим всё сказано. Теперь по сути вопроса, который я обозначил, **мнение К. Ф. Катушева о Брежневе:**

«Сейчас много говорят и пишут о Брежневе, как недалёковидном руководителе, как человеке, не способном принимать самостоятельные решения... Не стану опровергать всё, но скажу, что в первые годы его деятельности в роли руководителя КПСС я видел другого Брежнева...

На смену Хрущеву, который не выдержал испытания на власть, пришел Брежнев, человек, не располагавший какими-то особыми политическими качествами, но уравновешенный, в отличие от своего предшественника, и не лишенный здравого смысла в оценках и решениях. Продолжительное время наблюдая за его деятельностью, я видел в ней два этапа. Первый этап – до его болезни, когда он был здоров и мог проявить себя как первый руководитель партии. Это был один Брежнев: трезвомыслящий человек, реалист, знающий жизнь, гибкий в своих поступках и во взаимоотношениях с ближайшим окружением. Во второй половине 70-х годов мы видели другого Брежнева...». (Цитирую по книге: М. Ненашев. «Последнее Правительство СССР». М, 1993, с. 140, 148–149).

Я с большим доверием отношусь к этому свидетельству осведомленного и ответственного человека, каким мне всегда представлялся К. Ф. Катушев, и разделяю его мнение.

В подтверждение слов К. Ф. Катушева о том, что Л. И. Брежнев в первые годы своего пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС в своих суждениях и поступках был не лишен «здравого смысла» и способен на обоснованное решение вопросов, в частности, сложных вопросов внешне-политической деятельности, – обращусь еще раз к свидетельству К. Ф. Катушева:

«...Признаюсь, далеко не все в тогдашнем руководстве КПСС понимали невозможность старых методов „командования“ социалистическими странами из Кремля. В Политбюро и Секретариате ЦК КПСС, к примеру, многие не разделяли мои взгляды и действия на смягчение и урегулирование отношений с КНР. Вы помните, какая кампания была развернута в то время в средствах массовой информации, сколько беспардонного вранья о Китае и китайцах было выплеснуто в газетах, по радио и телевидению после военных событий на острове Даманском. Я хорошо понимал, что кампания эта ничего, кроме вреда, не принесет нашей стране. Сколько

усилий приходилось затрачивать, чтобы сдерживать воинственно настроенных товарищей из высшего эшелона власти.

Мне приходилось тогда регулярно информировать Политбюро, персонально Л. И. Брежнева по китайскому вопросу и убеждать в необходимости считаться с интересами нашего могучего дальневосточного соседа...

...Вспоминаю один эпизод, свидетелем которого, теперь уже единственным, я был. На одном из моих докладов Брежневу один на один о взаимоотношениях с Китаем вошел министр обороны А. А. Гречко и, послушав мою информацию, бросил реплику: „Не слушайте его, Леонид Ильич, вы только дайте нам команду, и наши танки через 2–3 дня будут в Пекине“.

Л. И. Брежнев внимательно посмотрел на Гречко, спросил, насколько серьезно он об этом говорит, и, услышав утвердительный ответ, заметил: „Войти в Китай ты, быть может, и сможешь, а вот как из него будешь выходить, вот этого тебе никто сказать не сможет. – А в конце добавил: – Я тебя, Андрей Антонович, очень прошу: никогда и нигде об этом не говорить, пусть твоя реплика останется здесь, в этом кабинете, и больше ее никто не услышит“.

Л. И. Брежнев поддержал инициативу А. Н. Косыгина, и мы с ним после военного конфликта на Даманском „попутно, пролетом“ сделали остановку в Пекинском аэропорту и провели там первую встречу с Чжоу Энь-лаем и другими членами Политбюро КПК, которая стала началом урегулирования наших отношений с Китаем.

Сложно было не только с Китаем проявлять благоразумие.

Не все в ЦК понимали необходимость поддержки Я. Кадара в его рыночных экспериментах в Венгрии, приходилось много убеждать, вмешиваться в попытки ретивых теоретиков одернуть, поставить на место строптивых венгров. Не все разделяли стремление Э. Хонеккера проводить более реалистический курс во взаимоотношениях двух Германий. Замечу, противодействие этому наблюдалось и во времена Горбачева, вплоть до его неожиданного и крутого поворота по отношению воссоединения Германии.

Больше всего я стремился к тому, чтобы установить уважительные, располагающие к доверию отношения с руководителями социалистических стран всех уровней. Я не преувеличиваю свою роль, но имею основания сказать, что пользовался доверием многих руководителей. Дорожил этим, ибо понимал, насколько оно необходимо для блага наших стран. Руководители соцстран доверяли мне информацию для „ушей“ Брежнева и советского руководства, так как знали, что она всегда будет изложена объективно и доброжелательно...». (Там же, с. 139–141).

Разделяю я также и оценку, данную К. Ф. Катушевым Л. И. Брежневу во второй половине его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС:

«После инфарктов и инсультов он был физически немощным, заторможенным от лекарств и неспособным принимать самостоятельные решения... У него стала появляться подозрительность по отношению к тем, кто имел свое мнение, неприязнь к А. Н. Косыгину, слабость к награждениям и славословию в его честь...

Он утратил чувство меры и охотно принимал предложения досужих доброхотов во главе с Устиновым, старавшихся представить его в глазах общественного мнения в виде великого полководца...

Всё это происходило... потому, что не было демократического механизма замены лидера партии. Отсутствие такого механизма было прежде всего на руку приспособленцам, подхалимам и тем, кому выгоден был именно такой Брежнев, который уже не держал в своих руках нити управления партией и государством». (Там же, с. 149).

Аналогичным образом характеризует «два периода» в деятельности Л. И. Брежнева, рубежом которых являлся его тяжелый недуг в середине 70-х годов, и **Виталий Иванович**

Воротников, хорошо знавший его на протяжении всего периода пребывания в должности Генерального секретаря ЦК КПСС. Он свидетельствует:

«Впечатление нерадостное. Это был уже не тот активный, напористый деятель, умевший слушать собеседника и, если надо, убедить его в необходимости поддержки той или иной идеи... Обладавший стремлением произвести приятное впечатление... А потом предстал иной Брежнев. Какая-то неадекватность поведения, перескакивает с темы на тему, теряет нить разговора. То оживится, то потухнет, замолчит...». (В. И. Воротников. «Откровения». М, 2010, с. 203).

Об этом пишет и **Евгений Иванович Чазов**, являвшийся руководителем четвертого Главного Медицинского Управления, которое было ответственно за здоровье высшего партийного и государственного руководства СССР.

В своей книге Е. И. Чазов рассказывает, что, «начиная с 1975 года, после тяжелого приступа, перенесенного Л. И. Брежневым во время поездки в Монголию, он впал в невменяемое астеническое состояние... по причине чрезмерного приема сильно действующих успокаивающих средств, к чему он основательно пристрастился».

И далее Е. И. Чазов отмечает: «Брежнев все более и более терял способность к критическому анализу, снижалась его работоспособность и активность, срывы были более продолжительными и глубокими. Уже с 1975 года скрыть их практически не удавалось. Но генсек продолжал исполнять должность...»

Невольно возникает вопрос: если бы Л. И. Брежнев в то время оставил свой пост, то последующие события в нашей стране могли бы идти по-другому?

Но «механизма замены» не было.

К сожалению, история не знает сослагательного наклонения. Если бы...

Консервативное мышление Брежнева и его ближайшего окружения стало непреодолимой преградой на пути дальнейшего поступательного развития советской экономики и в целом советского государства. В середине 70-х годов стало очевидным, что экстенсивный путь развития экономики исчерпал себя и назрела безотлагательная необходимость ее перевода на путь интенсивного развития на рельсах научно-технического перевооружения.

Восемнадцать лет продолжалось пустозвонство о назревшей необходимости неотложного рассмотрения на Пленуме ЦК КПСС вопроса об ускорении научно-технического прогресса, но дальше разговоров и призывов дело не пошло.

Много говорилось правильных слов о необходимости усиления внимания к развитию группы «Б» – сферы производства средств потребления, сближении темпов развития производства средств производства и производства средств потребления. Но и эта задача тоже не получила своего разрешения. Когда реальные доходы населения заметно выросли, невозможно было удовлетворить потребность людей в товарах и продуктах первой необходимости. Во многих случаях обнаруживался дефицит многих товаров и продуктов, или никому ненужное «изобилие» товаров плохого качества.

К примеру, обуви «производилось в год три пары на душу населения», но, как горько шутили в народе, ни одной «на ноги»... В силу головотяпства в планировании возникали «дефициты» то на зубной порошок, то на зубные щетки, на мужские трусы или носки и т. д. Ряд лет в дефиците были мясо, колбаса, сливочное масло, гречневая крупа, сгущенное молоко, растворимый кофе, другие товары и продукты.

Поразительно, но всё это можно было достать, постояв в очередях в Москве, Ленинграде, Минске, Киеве, Вильнюсе и других столичных городах. Туда устремлялись поездками, самолетами, машинами, электричками миллионы людей, закупая впрок нужные продукты и товары. И всем хватало. Никто не голодал. Но дефицит на жизненно необходимые товары и продукты с каждым годом становился всё сильнее и вызывал всё большее недоумение и возмущение у советских людей.

...«Речи длинные, пустые...» – распевали в курилках и на кухнях по всей советской стране. Это тоже о Брежневе.

Надо было умудриться ему выступать с Отчетным докладом ЦК КПСС на XXVI съезде партии в течение всего первого дня работы съезда, с несколькими перерывами в ходе доклада.

Кто из присутствующих мог слушать его весь день в пятитысячном Дворце Съездов? Или у телевизоров? Но если кто и пытался, то понять путанную, неразборчивую брежневскую речь было невозможно.

Да вряд ли в то время уже осознавал, что говорил и сам оратор, изо всех сил пытавшийся озвучивать написанное угодливыми верноподданными.

...В. В. Гришин рассказывает, что он «за голову схватился», когда услышал из этого доклада задачу, поставленную Брежневым перед коммунистами и всеми трудящимися много-миллионной столицы:

«Превратить Москву в город коммунистического труда». Скорее всего, – замечает В. В. Гришин, – генсек узнал об этой «задаче» москвичам в ходе озвучивания доклада, сочиненного услужливой командой партаппаратчиков и титулованных «придворных ученых»...

А что же верные соратники по Политбюро тоже не представляли реальную картину, создавшуюся в советском обществе и тоже не знали содержание отчетного доклада «мудрого вождя ленинского типа», как они величали Брежнева? Вместе со всем съездом члены Политбюро устраивали бурные овации после каждого «гениального тезиса», озвучиваемого генсеком...

Отвечать на этот вопрос трудно. Но вполне логично предположить, что они были «заворожены» генсеком: его равнодушием и безразличием к истинному положению дел в стране и всем содержанием его доклада. Для них было «свято» всё, что говорил Генеральный Секретарь. Его слово они считали «истиной» в последней инстанции: «Если он так говорит, – значит, так тому и быть...»

Их волновало одно: лишь бы «дорогой Леонид Ильич» оставался у руля партии и государства и «рулил» до конца своей жизни. Это было бы главным благом и для них, его верных соратников-угодников.

Хотя чему удивляться? Ни о каком «механизме» замены генсека у них не было и мысли. Не то что речи...

«Нет ничего пошлее самодовольного оптимизма» – эта ленинская формула в полной мере применима к характеристике личности Л. И. Брежнева. Ему были свойственны: отсутствие элементарной человеческой скромности, склонность к непомерному возвеличиванию и восхвалению своей личности, страсть к незаслуженным почестям и наградам, доведенная до крайнего абсурда.

Справедливости ради надо заметить, что эта страсть была присуща Брежневу изначально, с первых месяцев пребывания в должности Генерального Секретаря ЦК КПСС. Убедительное подтверждение этому оставил в своей книге член Политбюро ЦК КПСС В. В. Гришин. Уже в мае 1965 года А. Н. Косыгин на заседании Президиума ЦК КПСС резко осудил угодничество и подхалимство, которое проявляли отдельные члены Президиума ЦК по отношению к Брежневу. Он сказал примерно следующее: «Всегда найдутся подхалимы и угодники, которые стремятся угодить начальству, но Леонид Ильич не должен поддаваться подхалимству». Вместо того, чтобы принять это замечание как добрый совет, Брежнев очень болезненно воспринял его. Брежнева бесила огромная популярность А. Н. Косыгина в народе, его безграничный авторитет в стране и за рубежом.

Под стать ему была и свита, его ближайшее окружение, состоявшее, в большинстве своем, из подхалимов и приспособленцев, старых дружков-приятелей, которым было тепло и удобно под его «покровительством». Они восхваляли и возносили его до небес. Объяснить такое пове-

дение многих лиц из брежневского окружения не трудно. Во-первых, перед их глазами было немало примеров, когда за малейшее непочтение в хрущевское время кара была скорая и беспощадная – удаление из Политбюро ЦК КПСС и смещение с занимаемых постов. А, во-вторых, не хотелось расставаться с привилегированным положением, дарованным членам Политбюро. Это реальность, которая была видна и партии, и народу. Она вызывала недоумение, иронию, сарказм, возмущение и осуждение. Какие только гневные слухи не гуляли по стране; какие только анекдоты не передавались из уст в уста; какие только частушки не распевали в «курилках».

Расправа с теми, кто становился неудобным для Л. И. Брежнева, независимо от прежних отношений с ними и занимаемых постов в партии и государстве была неминуемая. Вот для примера только отдельные факты.

Николай Викторович Подгорный многие годы был ближайшим соратником Л. И. Брежнева. Оба они являлись секретарями ЦК и членами Президиума ЦК КПСС «хрущевского» состава. Оба они к 1964 году осознали, что деятельность Хрущева достигла критической точки. Именно по предложению Н. В. Подгорного Л. И. Брежнев был избран Первым секретарем ЦК КПСС. А пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР занял Н. В. Подгорный. Добрые отношения между ними сохранялись до тех пор, пока Н. В. Подгорный не стал выражать недовольство проявлением мании величия Л. И. Брежнева, осуждая восхваления и славословия в его адрес. Как свидетельствует В. В. Гришин, однажды, во время застолья по случаю дня рождения одного из секретарей ЦК КПСС, юбиляр в основном говорил о Брежневе, о его заслугах перед партией и страной.

Возмущенный происходящим Подгорный, обращаясь к Леониду Ильичу, сказал: «Лёня, как ты можешь терпеть такие славословия в свой адрес? Почему ты не прекратишь это восхваление? Это не годится не только для руководителя, но и для простого коммуниста. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я готов за тебя подставить свою грудь под пули, но я не могу видеть, как ты, по существу, поощряешь возвеличивание себя».

Однако Брежнев не внял справедливому замечанию Н. В. Подгорного. Более того, на этом же юбилее Брежнев обрушился на Николая Викторовича, заявив, что тот «всегда сгущает краски, всегда чем-то недоволен».

Были и другие случаи, когда Подгорный высказывал осуждение Брежневу за его манию величия, поощрение хвalebных выступлений и славословий в свой адрес. Его возмущало благосклонное отношение Брежнева к подхалимажу и возвеличиванию своей персоны. Все это и послужило причиной отставки Н. В. Подгорного с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В осуществлении этого «акта» особенно постарались верные соратники-угодники Брежнева А. П. Кириленко и М. А. Суслов. В мае 1977 года на Пленуме ЦК, как бы между прочим, без сообщения мотивов и причин, Суслов предложил освободить Н. В. Подгорного от обязанностей члена Политбюро ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Н. В. Подгорный пытался что-то сказать, но Суслов не дал ему слова, а сразу же поставил вопрос на голосование. Н. В. Подгорный был освобожден от занимаемых постов.

«Пленум закрылся, – свидетельствует В. В. Гришин. – В комнате Президиума, после окончания Пленума, растерянный Н. В. Подгорный сказал: „Как все произошло неожиданно. Я работал честно...“»

Вслед за этим пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был вручен Л. И. Брежневу. Таким образом, в его руках была сосредоточена вся высшая партийная и государственная власть.

Аналогичным образом, как уже об этом говорилось выше, поступил Брежнев и с А. Н. Косыгиным. Воспользовавшись тяжелейшим инфарктом миокарда, сразившим А. Н. Косыгина, Брежнев поспешно заменил его на посту Председателя Совмина СССР своим старым другом-приятелем Н. А. Тихоновым. Это, конечно, была совершенно неравноценная

замена, отразившаяся на руководстве экономикой и социальной сферой советского государства.

Такую вот вседозволенность позволял себе Брежнев. Он принимал крутые и незамедлительные меры в отношении тех, кто говорил о недостатках его работы, отрицательно отзывался о нем. Так, во второй половине 60-х годов Брежневу было доложено, что группа бывших комсомольских работников собирается и ведет разговоры о возможной замене руководства партии. В группу входили А. Н. Шелепин, В. Е. Семичастный и другие. В опалу попал и П. Е. Шелест, первый секретарь Компартии Украины. Все они были сняты с занимаемых постов, переведены на другую работу или отправлены на пенсию, а также выведены из состава членов ЦК КПСС.

Как-то первый секретарь Московского обкома КПСС Н. Г. Егорычев в своем выступлении на Пленуме ЦК высказал тревогу за состояние обороны страны. Брежнев, отвечавший за этот участок, принял критику на свой счет, и Егорычев был мгновенно освобожден от занимаемой должности. (В. В. Гришин. «От Хрущева до Горбачева». М, 1996, стр. 40–42, 323).

Самый раз вспомнить мудрые строки Николая Островского из его письма Михаилу Шолохову: «Знаешь, Миша, давно ищу честного товарища, который бы покрыв прямо в лицо... Нередко друзья... боятся „обидеть“. И это нехорошо. Хвалить – это только портить человека. Даже сильную натуру можно сбить с пути истинного, захваливая до бесчувствия. Настоящие друзья должны говорить правду, как бы ни была остра, и писать надо больше о недостатках, чем о хорошем, – за хорошее народ ругать не будет». («Николай Островский». Собр. соч., том 3, М. Госиздат художественной литературы, 1956 г., стр. 333–334).

К сожалению, эти мудрые слова мужественного писателя-коммуниста никак не соотносятся с той позицией, на которой стояли Хрущев и Брежнев, уверовавшие в свою непогрешимость и вседозволенность, нанося тем самым непоправимый урон авторитету высшего партийного руководителя и партии в целом.

Я сознательно сосредоточил внимание на двух высших руководителях советского государства и КПСС, и на том непреодолимом различии, которое было характерно для Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина. Различие во всем. Но особенно в главном – в человеческих достоинствах. Несравнимые величины.

Истинно государственный ум, мудрость и организаторский талант, необычайная скромность и высочайшая требовательность к себе – это Алексей Николаевич Косыгин. И рядом с ним – «красивый молдаван», как назвал Брежнева Сталин во время работы XIX Съезда КПСС. Очень скоро обнаружилась справедливость народной мудрости: «Не все то золото, что блестит». За внешним лоском скрывались не только интеллектуальная посредственность, но и многочисленные человеческие пороки: отсутствие всякой скромности в оценке собственной персоны, самодовольство, самолюбование, карьеризм в самом худшем смысле, бахвальство и пустозвонство. Все эти и другие пороки Брежнева очень скоро выплеснулись на поверхность и с каждым годом разрастались, вызвали недоумение, негодование, отвращение. И «генсек» Брежнев всё больше походил на убогого скомороха, а напоследок и вовсе превратился в маразматика.

Естественно, это зависело, прежде всего, от умственного и нравственного уровня самого Брежнева, но немало было в этом «заслуг» и его ближайшего окружения, подхалимствующего, потворствующего, беспринципного.

Давно известно, что «короля делает свита». Но «свита» делала и «генсеков» – Хрущева и Брежнева. Сами по себе ни тот, ни другой не смогли бы стать теми, кем они стали, и творить то, что им позволяла их «свита».

Но и в том, и в другом случае в окружении «генсеков» были не только беспринципные подхалимы, приспособленцы и карьеристы.

В свите и Хрущева, и Брежнева находились и такие политические деятели, как А. И. Микоян и М. А. Суслов, имевшие большой опыт работы на высоких партийных и госу-

дарственных должностях в сталинские годы. Их непростительную беспринципность при Хрущеве и Брежневе нельзя объяснить ничем другим, как все тем же приспособленчеством, ради собственного благополучия, желанием таким образом оставаться на вершине власти как можно дольше, а еще лучше до самой смерти.

В окружение Брежнева, помимо названных лиц, входили и такие заслуженные и уважаемые в партии и в народе сталинские наркомы, как известный советский дипломат А. Громыко, принципиальная, одаренная, талантливая, многоопытная личность.

Как же они уживались в той затхлой атмосфере, которая царила в брежневские годы? Или продолжали честно выполнять свой долг, свои обязанности, махнув на все пороки и чудачества генсека? Выходит, что так...

«Тишь да гладь и божья благодать» – это время Брежнева. Только «благодать» не для страны и ее народа, а для самого «генсека» и его безликого, беспринципного окружения.

Крайнее возмущение и отвращение вызывало и не могло не вызывать у каждого здравомыслящего человека его многолетнее пустозвонство, самодовольство, запредельное тщеславие, бахвальство, самомнение, потеря всякой скромности и стыда в оценке своей персоны, своих незаслуженных «заслуг». Такого не было ни в истории, ни в самой сказочной сказке, чтобы быть удостоенным великого множества высших государственных наград, просто ради болезненного тщеславия и честолюбия, но никак не за особые реальные заслуги. Награды сыпались на Брежнева как из рога изобилия. Причем награды не только нашего государства.

Правители множества стран, зная не понаслышке патологическую страсть Брежнева к наградам, по любому поводу и без повода навешивали на его грудь всё новые и новые ордена – высшие награды своих государств.

Четыре золотые звезды Героя Советского Союза, орден Победы, звание Маршала Советского Союза, полученные в мирное время без всяких на то оснований. К этому надо добавить золотую звезду Героя Социалистического Труда. Да еще три медали лауреата различных премий, тоже незаслуженные. Конечно, это стало возможным благодаря окружавшим его беспринципным соратникам и угодникам.

«Неудачным было ближайшее окружение генсека, его помощники, референты, консультанты, – свидетельствует В. В. Гришин. – Отношения строились на принципах угодничества и беспрекословного подчинения патрону. Материалы и предложения готовились только удобные Генеральному секретарю. Докладывалось то, что было ему приятно. Непомерным было стремление к возвеличиванию и прославлению Леонида Ильича. Его секретариат... занимался написанием книг, которые затем шли за подписью Генерального секретаря ЦК. Так, в частности, было и с известной „трилогией“ („Малая земля“, „Возрождение“, „Целина“), за которую ему была присвоена Ленинская премия. Писались биографические книги, издавались шикарные фотоальбомы... Составители этих книг и альбомов не забывали и о своих выгодах. Из рук „щедрого“ генсека истинные авторы получали государственные премии, награждались орденами. Всё это плохо воспринималось в партии и в народе, порождало различные слухи, пересуды и анекдоты...»

В. В. Гришин дает вполне справедливую оценку: «Л. И. Брежнев, особенно в последние годы работы, после устранения А. Н. Косыгина и Н. В. Подгорного, в силу своего характера и беспардонному старанию окружения многих подбострастных людей... уверился в своей непогрешимости, – в своей особой одаренности, даже величии и вседозволенности. Это... подрывало его авторитет, вызывало недовольство людей. Вообще плохо сказывалось на работе партии и общем положении в стране». (В. В. Гришин. «От Хрущева до Горбачева». М, с. 49).

Но вслед за этой суровой, но справедливой оценкой В. В. Гришин тут же пишет: «Но может быть, следует снисходительно относиться к слабости Л. И. Брежнева к наградам и почестям... Награды Л. И. Брежнева никакого ущерба, никаких материальных потерь не принесли...». (Там же, с. 48–49).

Вот с этим «умозаключением» В. В. Гришина я никак не могу согласиться. При этом рождается еще один вопрос: а как же смотрело на все эти слабости Политбюро ЦК? А никак! Очень скоро Л. И. Брежнев своей порочной кадровой политикой избавился от всех «недругов», какими он считал всех своих оппонентов, и в составе Политбюро стали преобладать старые «дружки-приятели», льстецы и подхалимы. Список этот открывается именами Кириленко, Тихонова, Черненко и прочих близких соратников по работе Брежнева на Украине и в Молдавии.

Как верно замечает В. В. Гришин: «За время работы генсеком Брежнев перевел в Москву и расставил на руководящие посты многих знакомых сослуживцев... В Москву перебралось множество днепропетровцев и других земляков». (Там же, с. 45).

Естественно, они милостиво считали, что генсеку всё дозволено, любая слабость, любая забава, любые чудачества по принципу: «чем бы генсек ни тешился, лишь бы нам было хорошо». Не хотели понять того, что все эти отвратительные брежневские феномены наносили неизмеримый урон авторитету партии, во главе которой он находился, разрушали её политические и нравственные устои, вреднейшим образом отражались на состоянии общества и настроении народа.

Что представляли собой в физическом отношении лица, восседавшие в брежневском Политбюро? Рассказывает член Политбюро ЦК КПСС В. И. Воротников:

«Почти полностью отошел от дел серьезно заболевший А. П. Кириленко. Перешагнувший в ту пору 77-летний рубеж М. А. Суслов фактически не работал, а лишь три – четыре часа в день присутствовал в ЦК.

Мне вспоминается одно личное впечатление. В феврале 1981 года я прибыл из Гаваны на XXVI Съезд партии. В кулуарах съезда я чувствовал себя как-то неуютно, не было обычной раскованности при встречах с коллегами. Может быть, оттого, что я два года отсутствовал? Нить разговора завязывалась и... скоро обрывалась. Они спрашивали меня о Кубе, я начинал рассказ, но собеседники после двух-трех фраз прерывали меня и переводили беседу на внутренние проблемы, причем высказывались в остро критическом тоне. Мне это было непонятно. Они жаловались на недостатки в работе правительства, на то, что Н. А. Тихонов, сменивший А. Н. Косыгина, осторожничает, да и понятно, на 76-м году зачем рисковать. К Секретарям ЦК теперь не достучишься со своими проблемами – возраст и болезни сказываются: „Ты посмотри, как формально, заорганизовано проходит этот съезд? О чем говорить!“ И наша беседа разваливалась.

Наблюдая за президиумом съезда, нельзя было не заметить, как постарели и физически сдали некоторые руководители. Л. И. Брежнев с большим трудом, еле-еле „дотянул“ доклад. А. Я. Пельше, М. А. Суслов, А. П. Кириленко, Н. А. Тихонов выглядели болезненно. Да и немало министров, секретарей обкомов, проработавших на своих постах 15–20 лет и давно перешагнувших 70-летний рубеж, прямо скажу – „не смотрелись“. Политика стабильности кадров, провозглашенная Брежневым в 1965 году, трансформировалась в кадровый застой и, бесспорно, нуждалась в пересмотре. Да, что-то изменилось в стране и в людях за прошедшие два года. Но что? Я тогда не мог найти ответа. Он пришел чуть позже.

Были и объективные причины. Уже невозможно стало вести такое огромное народное хозяйство страны старыми методами. Централизация всё более давила и сдерживала инициативу мест. Ни Госплан, ни Госснаб, ни Минфин, ни другие экономические ведомства уже не были в состоянии „проворачивать“ этот огромный маховик механизма экономики страны. Настоятельно требовались реформы. Надо было разгружать от забот верхние эшелоны власти, передавать права и ответственность вниз.

К тому же всё более расклеивались экономические отношения с зарубежными странами. Контакты нашего руководства с лидерами братских соцстран носили формальный характер. Буксовал Совет Экономической Взаимопомощи.

Было очевидно – необходима ротация, смена руководства, обновление кадров. Нужны поиск и решение экономических и социальных проблем в условиях совершенствования механизма управления, раскрытия потенциала социализма, повышения инициативы и заинтересованности людей в результатах труда. Об этом говорили мы, члены ЦК, между собой...»

«Самодовольный оптимизм» Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева находил отражение не только в речах его самого и ближайших соратников по Политбюро, в официальных документах партийных съездов, пленумов, постановлений ЦК и, соответственно, составлял сердцевину всей партийной пропаганды. «Самодовольная риторика» всё сильнее вступала в противоречие с реалиями экономики, социальной сферы, настроениями в обществе.

На всесоюзных и республиканских семинарах лекторов партийных комитетов и Общества «Знание», в работе которых мне доводилось систематически участвовать, в выступлениях осведомленных и мыслящих ответственных работников Госплана СССР и лекторов ЦК КПСС, начиная с середины 70-х годов, всё откровеннее говорилось о накопившихся проблемах в развитии советского общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.